

18+

Екатерина Патракова

Странная НОВОГОДНЯЯ ночь

ВСЁ О ЛЮБОВНЫХ ТРЕУГОЛЬНИКАХ

Екатерина Патракова
Странная новогодняя ночь.
Всё о любовных треугольниках

<https://litres.ru/74544369>

ISBN 9785007136549

Аннотация

Женские судьбы складываются причудливым образом. Влюбиться не в того парня, пережить измену, соскучиться в браке — в жизни случается что угодно. Не бывает только идеально гладкого пути, о котором мечтаешь в 17 лет.

Три героини встречаются в тот момент, когда каждая переживает глубокий кризис. Смогут ли непохожие женщины понять друг друга? Выдержит ли давняя дружба испытание честностью?

Эта психологически достоверная история согреет тех, кто устал и запутался в хитросплетениях взрослой жизни.

Содержание

Странная новогодняя ночь	5
Наташа	9
Анфиса	12
Люда	17
Наташа	22
Люда	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Странная новогодняя ночь Всё о любовных треугольниках

Екатерина Патракова

© Екатерина Патракова, 2026

ISBN 978-5-0071-3654-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странная новогодняя ночь

Все вместе

2014 год

Это была странная новогодняя ночь. Издали все казалось безупречным. Нарядный дом — в углу кухни-гостиной высилась живая ель. Ее украшали шары в едином стиле и гирлянды с мягким светом, без надоедливового мигания. За высокими окнами — сугробы, кусты в белой, будто сладкой посыпке и неспешно падающие с неба мохнатые комочки снежинок. На столе белая отутюженная скатерть, на ней тонкие — кажется, тронь и лопнут — бокалы для шампанского, длинные свечи в одинаковых подсвечниках, тарелки с подтарельниками, окруженные с каждой стороны таким комплектом приборов, что позавидовал бы хороший ресторан. И все же картинка никак не могла претендовать на появление в глянцево-м журнале, потому что посреди этого великолепия дерзко стояла картонная коробка с пиццей, мокрые мандарины в миске и пластиковый контейнер с оливье.

Вокруг праздничного стола сидели три женщины. Первая — высокая яркая брюнетка с каре, как у Умы Турман в «Криминальном чтиве», была одета так, как одеваются зимой на дачу: в джинсы и оранжевый мохеровый свитер. Вто-

рая — по-детски хрупкая, с гривой завитых в мелкие колечки рыжих волос скорее наряжалась на дискотеку: короткое платье с пайетками, глаза густо подведены, открытые руки усыпаны веснушками, блестками и гусиной кожей. Третья участница застолья не собиралась вообще никуда, даже вылезать из постели, о чем свидетельствовала оливкового цвета пижама. Ее длинные, не слишком чистые, выкрашенные в пепельный блонд волосы были небрежно собраны в хвост, а глаза покраснели от слез. Над столом висела неловкая тишина.

— Наташа, какой у тебя все-таки прекрасный вкус, — нарушила паузу рыженькая. — Как ты умеешь выбирать! И дом, и посуда, и шторы, и даже вид из окна...

— Ага, умею. — С сарказмом ответила та, что в пижаме. — Все могу идеально выбрать, кроме мужчин, — и разрыдалась.

— Анфиса, водички ей скорее! — скомандовала брюнетка.

— Наташа, где у тебя водичка? Черт, я только вино вижу. Люда, может, вина ей налить?

— Да в кране, в кране у нас вода, — проговорила хозяйка сквозь плач. Из принесенного стакана она сделала всего пару глотков. Затихла и уставилась в окно.

— Два часа до полуночи, — констатировала брюнетка, заглянув в телефон, лежащий возле нее на скатерти.

— Люда, не лезь ты, — прошипела Анфиса, понизив го-

лос, будто так третья подруга ничего не услышит. — Не видишь, ей и так тошно?

— Сама-то! Только что ее до слез довела...

Все опять замолчали. И видимо, чтобы как-то заполнить паузу, Анфиса вдруг проговорила мечтательным голосом:

— А помните, как мы встречали миллениум? — и ни с того ни с сего тоже всхлипнула.

Наташа

Мы жили в одной комнате с сентября, и девчонок я тогда, признаюсь, ненавидела. Соседок хуже нельзя было и вообразить. Людка, едва переступив порог общаги, взялась устанавливать свои порядки. Захватила отдельную кровать у окна, а нам с Фиской досталась двухэтажная. Навешала на стены дурацких постеров с полуголыми качками и размалеванными девицами. Спустя неделю начала приводить каких-то парней. Являлись они то с вином, то с пивом. Плюхались в уличной одежде на мою кровать: мол, а где нам еще сидеть? Заговаривали зубы до позднего вечера. Спать вовремя не ляжешь, толком не позанимаешься. И хорошо еще, если это были старшекурсники из нашей общаги. Приходили и посторонние, лазили к нам на второй этаж через окно. Я была уверена, что рано или поздно кто-нибудь рухнет с подоконника и руки-ноги переломает, а потом всех нас за эти попойки отчислят.

Время от времени из кучи пацанов, всех на одно лицо, Людка выделяла кого-то одного. История, так сказать, «любви» всякий раз развивалась по одному сценарию. Сначала наша соседка уединялась в темном углу с избранником, где они обжимались и целовались враскоряку, пока остальные гости пили и ржали, стараясь не таращиться в их сторону. Потом отношения выходили на новый уровень. Шумные гулянки на

время утихали, нам с Фиской было рекомендовано подольше бывать на воздухе, почаще ходить в кино, пореже торчать в комнате. А на какие шиши, скажите, ходить в кино? На стипендию, что ли? Это девчонки от денег не знали куда деваться, а мне нужно было жить по средствам: мама нас с братом уже три года как одна тянула.

К счастью, надолго ухажеры у Людки не задерживались. Либо ей изменял парень, либо она ему. Либо они просто уставали скандалить. Людка у нас такая: за словом в карман не полезет и спуску не даст. Как это он ей цветы не дарит? А почему в кафе не водит? А где комплименты ее неземной красоте? С первыми признаками разлада Людка начинала плести интриги. То какого-нибудь простофилю найдет, который согласится нарочно с ней под руку перед универом туда-сюда пройтись. То нам выдаст инструкции, чтобы мы с три короба наврали несчастному бойфренду, дабы развить в нем не то ревность, не то верность. Целые спектакли разыгрывали. Но заканчивалось все одинаково: расставание, крокодиловы слезы, а потом посиделки, где можно подцепить очередного кавалера.

Справедливости ради надо сказать, что Людка хоть как-то к жизни была приспособлена. Могла приготовить еду, проблему с преподам решить. Фиска — та вообще малахольной казалась. Семнадцать лет человеку, а она не знает, как лапшу сварить, не говоря уж про курицу или рыбу. Увидит сырое мясо — бледнеет и в сторону шарахается. Парней боя-

лась. Что у ней ни попросят, все готова подать, принести. Кучу денег одному из Людкиных хахалей зачем-то одолжила, больше никто из нас его ни разу не видел. И вечно в облаках витала — правда, в этом она и сейчас не изменилась. Ты ей пятнадцать минут что-нибудь по делу втираешь, потом задаешь вопрос, а она такая: «Ой! Что?»

Бывало, сядет на подоконник с ногами, смотрит и смотрит в окно. Потом вдруг схватит блокнот и начнет что-то в нем строчить. У нее на такой случай карандаш всегда в кичку¹ на голове был засунут, благо толщиной волос Бог не обделил. А с каким упоением она раскидывала вещи по комнате! Где что снимет, там оно и валяется: то лифчик под кроватью, то трусы на стуле, да еще и ее тетрадки часто оказывались брошенными на обеденном столе. Удивительно, что и парней не стеснялась. Скажешь ей, она кивает: сейчас-сейчас, приберу, а сама еще час в своем блокноте чиркает.

Как я с этими двумя ненормальными три года выживала на двенадцати квадратных метрах, до сих пор не понимаю. Хуже того, мы умудрились подружиться. Теперь я люблю их как родных. Вот и сейчас, когда все рухнуло, они рядышком. И тогда, 15 лет назад, Людка, похоже, спасла мне жизнь. По крайней мере, то подобие жизни, которое с натяжкой можно было назвать нормальным.

¹ Так иногда называли женскую причёску — тугой узел волос на затылке.

Анфиса

Я с детства мучительно ждала, что в новогоднюю ночь случится чудо. Мама и папа в канун праздника делали все, что могло обещать грядущее волшебство. Мне мастерили какой-нибудь невероятный костюм: инопланетного пришельца, маленькой ведьмочки или динозавра — никаких банальных белочек-снежинок. «Моя дочь не такая, как все», — любил повторять отец. Он и сейчас это повторяет, но уже не с таким энтузиазмом, как прежде. Понимаю его: сложно верить в то, что никак не соответствует действительности.

В середине декабря, сразу после моего дня рождения, мы с мамой начинали делать поделки из скорлупы грецких орехов и спичечных коробков, клеить цепочки из цветной бумаги, вырезать снежинки из салфеток. Как-то я нашла в «Мурзилке» шаблон — фигурку балерины, на которую можно надеть бумажную юбочку-снежинку. С тех пор все снежинки у меня превращались в девочек, и про каждую из них я сочиняла свою историю со счастливым концом. Тогда мне казалось, будто ожить может все что угодно. Даже стеклянные шишки и шары с нарисованным инеем. А потом с ними может приключиться что-то невероятно хорошее.

Елку всегда ставили живую, гигантскую, пахнущую лесом и его сказками. Ее приносил к нам домой один из папиных сотрудников — дядя Вася. Он звал меня принцессой и тай-

ком от мамы совал в руку карамельку или ириску. И я радовалась, хотя папа часто привозил из Москвы заграничные конфеты, даже шоколадные «Кошачьи лапки» в розовой коробочке. К празднику у мамы в закромах собиралось особое разнообразие деликатесов: и твердокопченая колбаса, и красная икра, и консервированные ананасы. А еще бананы! Их покупали заранее, раскладывали на шкафах, чтобы к празднику они из зеленых превратились в желтые с аппетитными коричневыми пятнышками. Я раньше страсть как любила бананы, казалось, умяла бы целую гроздь. Но мне разрешали есть только по одному в день. Сейчас бананов этих завались, и за питанием моим уже никто не следит, а вот съешь один — и больше не хочется.

31 декабря ровно в 23:30 мы сидели с родителями и дедушкой за стол, чтобы проводить старый год. Вспоминали мои успехи — их обычно хватало: нарисовала осенний пейзаж, научилась прыгать через скакалку 30 раз подряд, станцевала на сцене нашего ДК, выиграла конкурс чтецов, встала на коньки, получила похвальный лист, заняла третье место на районной олимпиаде по русскому, выступила в школьной постановке про грибную полянку... Родители бережно собирали и старались законсервировать в памяти едва ли не каждый чих своей драгоценной девочки. Вырезали из местной газеты статьи, где упоминалась я, моя школа или кружки. Все были горды мной и радовались моему очередному успешному году.

В мой бокал был заблаговременно налит компот — яблочный или вишневый. Без пяти минут двенадцать папа приступал к откупориванию шампанского под привычное добродушное дедушкино ворчание, что бутылку нужно держать под другим углом. Несмотря на огрехи в технологии, выстрел неизменно удавался. Шипучка радостно текла в фужеры взрослых, я наклонялась над одним из них, чтобы почувствовать стреляющие по носу пузырьки. В этот самый момент, как по волшебству, начинали бить куранты, мы звонко чокались бокалами. «Скорее загадывай желание! Только никому не говори, чтобы сбылось!» — каждый раз шептала мама. Будто я сама не знаю! Потом меня отправляли искать подарок Деда Мороза под елкой: еще несколько минут назад он отсутствовал там, но умудрялся магическим образом появиться. И пока я шуршала упаковкой, доставая прекрасную куклу, конструктор или чехословацкие цветные карандаши, а спустя несколько лет и китайские кислотных оттенков фломастеры, взрослые быстро наливали себе по второму бокалу, вздыхали, переглядывались и молча выпивали, не чокаясь. Когда я возвращалась, чтобы сказать спасибо за подарок, мамины глаза были полны слез, а отец, громыхнув стулом, вставал из-за стола и уходил покурить. Только дедушка смотрел на меня и улыбался. Только он был готов разделить мои восторги от подарка.

Поначалу я пугалась, что мама плачет, и этой мрачной тишины, возникающей над столом сразу после полуночи. Но

одно и то же повторялось год за годом, и я решила, что это такой же атрибут праздника, как елка или бумажные цепочки. Может быть, *это* бывает всегда и у всех? Но разве спросишь о таком у одноклассников. Мне никто вслух не запрещал, но я и сама чувствовала, что говорить *об этом* нельзя. Что секрет нужно хранить, иначе станешь предателем. И давно пора бы уже привыкнуть, что праздник проходит так. Не расстраиваться и не бояться. Но сколько бы я себя ни ругала, внутри все равно начинало невыносимо ныть уже в тот момент, когда еще веселые мама и папа перечисляли мои достижения в уходящем году. Я, конечно, не подавала виду. Кивала, улыбалась. Только не по-настоящему, а чтобы родители не расстраивались. Хотя бы из-за меня. А потом под бой курантов я всякий раз загадывала одно и то же: пусть мама в этом году не заплачет, пусть папа не рассердится, пусть они обнимут меня и будут счастливы. И при этом заранее знала, что мое желание не сбудется, хоть я о нем никому и не говорю.

Первый раз я решила загадать что-то другое, когда наступал 2000-й, потому что это была новогодняя ночь вдали от дома. В общежитии.

Можно было бы съездить на праздники к нам, в Серебряный Бор, родители даже настаивали, но я объяснила, что у меня «институт, экзамены, сессия». Причину сочли уважительной, хотя она служила лишь поводом. Мне было стыдно врать, но я совсем не хотела опять пережить *это*. А еще мне нужно было выяснить, случается ли *оно* с остальными.

Как же трудно придумать желание, если ты в этом толком не практиковался все 17 лет своей длинной жизни! Тем более придумываешь его не на год и даже не на век, а на целое тысячелетие. Груз предстоящей ответственности навалился на меня за неделю до праздника. Было страшно оплошать. Успешно сдать сессию? Чтобы Наташа с Людой перестали каждый день ссориться? Чтобы в будущем семестре нам убрали спецкурс этой мерзкой Эльвиры Петровны? Нет, все это мелко. Лучше пожелаю, чтобы у бабушки больше не болели ноги и он снова смог гулять со мной до дальнего леса.

Но когда мы накрыли стол в нашей комнате в общежитии, разлили шампанское — уже далеко не первую в тот вечер бутылку — и скрестили бокалы под звуки шуршащего радиоприемника, я нечаянно забыла про свое решение и загадала совсем другое: встретить большую любовь. Ума не приложу, как это вышло, может быть, Вселенная решила воздать мне за все, что не сбылось раньше, только это желание исполнилось, причем в ту же ночь.

Люда

Я девушка простая и прямолинейная. Правду говорю в лицо и не стесняюсь. Понравился парень — зачем огород-то городить, зачем вздыхать по полгода и ждать, что сам догадается? Мне не в лом отношения предложить. А если ведет себя как козел, так я и про это молчать не стану. В общем, на самом деле со мной общаться легко, что бы там иные ни говорили про мой сложный характер.

Понятно, что с первой попытки подходящего мужика себе не найдешь. У каждого свои недостатки. Пока не попробуешь, не узнаешь. Так что пообщаться нужно и трезвыми, и пьяными, и посмотреть, на что в постели способен. А не как Наташка — замуж девственницей, да еще с такой гордостью, будто не глупость делает, а что-то жутко благородное. Может, у ее благоверного член маленький, а она и не знает (ха-ха). Сравнить-то не с чем. Я бы ни за что не стала брать такого кота в мешке. Между прочим, «нужно реально смотреть на вещи» — ее любимая фраза, не моя.

Я бы, если честно, вообще без мужика прожила. Если вдуматься, на кой он нужен? По крайней мере, постоянно, каждый день в твоей квартире? Но теперь уж завела — куда деваться, приходится терпеть. Отец ребенку опять же. Правда, тогда, на первом курсе универа, у меня еще была куча романтической дури в голове. Казалось, вот-вот встретится

тот, с кем мы идеально подойдем друг другу, и будет у нас «любовь до гроба, дураки мы оба». Парней тогда было находить легко, не то что сейчас, хотя приложений для знакомств еще не изобрели. В 18 лет вообще все запросто, ничего не страшно, жутко весело и нечего терять.

Первый семестр в универе получился самый огненный, и вышло бы еще лучше, если бы Наташка регулярно не обламывала веселье. На самом деле, девчонки должны были меня благодарить: я их познакомила с самыми классными пацанами с разных факультетов. У нас в комнате тусовались даже ребята из местной рок-группы. И да, за мной ухаживал их солист — было дело. Но там и барабанщик, и клавишник выглядели очень даже ничего. Окажись мои соседки порасторопнее, завели бы себе нормальных бойфрендов. Ну да что с этих девчонок тогда было взять? Одна правильная до тошноты, другой бы в куклы играть, а не в университете учиться.

Если сесть вспоминать, можно многое про те времена рассказать. Вот хотя бы замутка с Илюшкой. Он весь такой в очочках, с виду ботаник ботаником, на программиста вроде учился. Но на деле просто вулкан оказался. Мы с ним друг от друга с ума сходили. Как-то девчонки на выходные по домам разъехались, он у меня завис, так у нас раз пять или шесть за ночь было. Никогда не забуду! Но из-за страсти мы в итоге и расстались. Наши ссоры чуть ли не до драки доходили. Как-то он меня приревновал и на большой перемене при всех в буфете с нажимом по губам так рукой провел, что мою люби-

мую бордовую помаду по всей щеке размазал. Больно было. А главное — обидно. Убить его тогда хотела, честное слово. Ну да Бог с ним. В ноябре у нас все началось, к декабрю закончилось. Оба остались живы, и хорошо.

А на зачетной неделе я пошла в читальный зал. Мне по культурологии сказали доклад сделать, чтобы прогулы закрыть. Выписала я в каталоге какую-то заумную книжку про Древнюю Грецию, решила препода сразу наповал сразить. Но библиотекарь мне говорит: «Уже выдана». Тьфу! Пошла было что-нибудь другое из перечня по ящичкам искать, смотрю, а книжка моя преспокойно лежит на столе у какого-то товарища, как раз сверху стопки. При этом конспектирует он совсем другой учебник. Ну я и подсела к нему, чтобы разобраться: как так, почему столько книг за раз набрал, а бедным первокурсникам учиться невозможно.

Он сразу засуетился, мол, да без проблем, да пойдемте «Древнюю Грецию» на вас перепишем. Я говорю: «А все, поздно: чем переписывать, я тут лучше с вами за одним столом посижу». Он сразу свои вещички в кучу сгреб, мне место справа освободил. Дескать, располагайся поудобнее. Пацан оказался пятикурсник, местный. Искусствовед. Надо ж было такую специальность выбрать! Весь прямо интеллигентный, такой в нашем поселке городского типа и три дня бы не вытянул. Да и не нужны там никакие искусствоведы. Какие у местных искусства? Картошку сажать? Свиней разводить? Водку пить?

Сидим, значит, рядом, пишем, он на меня то и дело украдкой поглядывает. То ли на лицо, то ли на грудь: я тогда свою любимую клетчатую рубашку всего на пару центральных пуговиц застегивала. Я взяла да и придвинулась поближе, еще и еще. Потом давай у него спрашивать какое-то слово, которое в книжке не поняла: всяко должен лучше меня соображать в этих древних искусствах. Нечаянно рукой его коленку задела. Смотрю, у парня румянец по лицу ползет. Закончилось тем, что договорились встретиться на следующий день. Погуляли часок в парке. Но уж больно промозглая погода стояла, быстро разошлись. Напоследок я его наудачу пригласила к нам в комнату на Новый год.

— Даже не знаю, мы у друга отмечаем... — засомневался он.

— Так с другом приходи. У меня там еще две подруженции будут, и народ разный подтянется. В окошко снежок кинешь — я спущусь и через вахту проведу. Не бойся, у меня там свои люди.

Объяснила, как окно нашей комнаты снаружи опознать. Дело-то нехитрое: только у нас, как в детском садике, стекло какими-то бумажными снежинками и елочками заклеено — это все Анфиска упражнялась в свободное от учебы время.

— Ну, может, и приду, посмотрим, — сказал он неопределенно, а вот поцеловал меня на прощание очень даже однозначно, с намеком на продолжение. И был он весь какой-то особенный, не как другие. Говорит не спеша, убедительно,

будто каждое его слово весит как целая гиря. Никуда не торопится: знает, что его дождутся. И вообще, как он захочет, так и будет. Суметь засмущать такого — двойное удовольствие. И мне это несколько раз удавалось.

Наташа

Где и как росли мои соседки до поступления в вуз, вообще непонятно. Элементарных вещей не знали. Людка толпу гостей позвала на 31 декабря, естественно, ни с кем не посоветовалась. Сколько точно людей будет, она и сама не могла посчитать. «Ну человек 10, а может, и 14». И как на стол накрывать, скажите на милость? Сколько приборов, сколько тарелок?

— Люда, а кормить ты их чем собираешься?

— Да прокормятся сами как-нибудь. Разве ж в еде дело?

Нормально, приплыли. Новый год наступает, а у нее не в еде дело!

— Значит, так. Сейчас я меню составлю и список продуктов. Ты каждому должна дать поручение, что ему принести. Поняла?

— Наташ, да где ж я каждого-то найду сейчас. Зачетная же неделя, пар нет...

— Мне это все вообще неинтересно. Хватило ума пригласить, хватит ума и поручения раздать. Ищи где хочешь. С пустыми руками никого не пущу, так и знай.

Сейчас думаю: и чего я так беспокоилась? Все-таки общага, а не прием в королевской резиденции. Но вот жуть как хотелось в грязь лицом не ударить. Сделать все достойно. А в этом деле можно было рассчитывать только на себя.

Пошуршала по нашим закромам. Отыскала три закрутки. Решила, что запечем картошку, курицу пожарим. Фрукты, сладкое, сок — все распределили списками по относительно надежным гостям. Скинулись: посуду пластиковую купили, одноразовую скатерть в красную клеточку, салфетки с Санта-Клаусами, коктейльные трубочки с бумажными ананасами — барахло, конечно, но по тем временам казалось стильно. Посадили Анфису строгать что-то типа оливье. А у той руки-крюки: такими ломтями нарезала колбасу и картошку, что неясно, как в рот запихивать. Когда она собралась яйца резать, я ее выгнала и сама аккуратно на терочке натерла. Ну и остальное по второму разу измельчить пришлось. В общем, к восьми вечера стол у нас был накрыт. Пришли девчонки из 316-й комнаты, пацаны с нашей группы, третьекурсник, который за стенкой жил. Домой в тот год немногие разъехались. У нас, например, на 3 января уже первый экзамен стоял. А к нему ведь еще готовиться нужно. Да и радовались мы, общажные, что, наконец, вырвались от родителей, в город. Не хотелось пропускать праздник. У меня и вовсе важная миссия была: следить, чтобы еды было достаточно, никто не перепил и дебоширить не начал. Я в тот момент даже представить не могла, как все обернется. И никакая еда не спасет.

Поначалу вечер шел относительно прилично, хотя пили они много. Ну тут ничего не поделаешь: такова судьба единственного трезвого в компании — наблюдать, как другие на

глазах из нормальных людей превращаются в дуриков. Ко мне, естественно, привязывались: мол, а ты, что ж, даже за Новый год не выпьешь? А почему? Да потому что — потому, что кончается на «У». Так и буду я им объяснять — много чести. А потом, даже не помню как, но вышло, что и я выпила свой первый и единственный в жизни бокал шампанского. С этого все и началось.

Люда

31-го числа мне с самого утра было как-то не по себе, будто что-то предчувствовала. Так одиноко, бесприютно, мучительно. Когда уже уселась за стол, я поняла, чего мне не хватает. Я до чертиков хотела увидеть этого пятикурсника из библиотеки. Его поцелуй в парке никак не выходил из головы. Стоило вспомнить, как внутри пробирало незнакомой дрожью. Она рождалась в груди и бежала по всему телу до кончиков пальцев на ногах. Никто меня раньше так не целовал, даже будущий программист Илюшка. Я предчувствовала, что в моей жизни начинается Роман Века. Даже Роман Тысячелетия. Но для этого нам нужно было провести миллиум вместе, а парень все не появлялся. Я надеялась, вздрагивала от каждого открывания дверей, от шума за окном. Я верила. Но его не было.

Забавы ради мы уговорили нашу Наташу-трезвенницу выпить в полночь шампанского. Ее с непривычки моментально развезло. Она так потом никогда и не вспомнила, как пила второй и третий бокал. А может, не заметила, как ей пацаны подливали. Антоха Федотов с нашей группы давно надеялся к ней подкатить, вот и старался. Думал, может, хоть так что-то получится. И правда, *что-то* получилось. Только совсем не то, на что он рассчитывал.

Кстати, Наташка из нас самая красивая была, хоть и не

красилась тогда, и одевалась кое-как. Но природа ее не обделила: фигура, как с обложки журнала — стройная, с грудью третьего размера, густые русые волосы до задницы, пухлые губы. Хорошо хоть красоты своей не понимала, разговаривать с парнями не умела, а волосы в косичку прятала. Если бы не это, у меня на ее фоне шансов решительно не было бы. А тут напоили мы нашу красавицу, она свою вечную кислую мину с поджатыми губами отключила. Разулыбалась, начала хихикать, даже согласилась на медляк с Антохой. Меня же черти дернули, что нужно пойти купить сигарет. Никто из нашей комнаты постоянно не курил, но по пьянке мы могли с Анфиской на пожарной лестнице изящно подыметь. И вот тут приспичило. Парни предлагали свои сигареты, но они курили какую-то дрянь. А я хотела тонкую, красивую, с ментолом.

На самом деле, мне нужно было не столько покурить, сколько обойти вокруг общаги, проверить, не пришли ли к нам гости. Вдруг окно наше не распознали, а сами с охранником не могут договориться: Степан в ту ночь дежурил, а он был мужчина с характером, к такому подход нужен. Я стала Фиску уговаривать со мной в ларек пойти, она ни в какую. Парни тоже говорят: не выделяйся, кури что есть. Тогда я надела на Наташку: давай вместе или я одна пойду. А она взяла, да и согласилась. Накинули мы шубы, даже шапки надевать не стали, чтобы прически не испортить, и побежали, как тогда говорили, на ларек.

На улице тем временем морозец прихватил. Снег под ботинками хрустит. Да и сам воздух будто тоже похрустывает. Общага у нас на отшибе стояла, упиралась в березовую рощу. Так вот березы эти все густым инеем покрыло. А вдали над трубами ТЭЦ дым ровными тремя столбиками высоко-высоко в небо поднимается. От зарева городских огней перистые облачка в темном небе светятся. Как же хорошо, как красиво! И дух от ледяного воздуха перехватывает, колени в капронках горят. Все мое уныние как рукой сняло. Фигня это все! Прорвемся! И все у нас получится!

Киоск был на конечной трамвая. Ходу до него — каких-то пять минут. Вокруг пусто, машин на дороге нет, и только слышно, как где-то вдали взрываются фейерверки. Я решила, что сначала купим сигарет, а потом уговорю Наташку обойти вокруг нашего корпуса, глянуть, нет ли кого под окнами. Паспорт тогда особо не спрашивали, но я на всякий случай его все-таки с собой таскала. Приятно, когда тебе уже 18 и никто ничего не запретит. Пачку «Слима» успешно приобрели, выходим, а там уже стоит припаркованная «Тойота королла», такая тонированная, со здоровой ревущей выхлопной трубой. Выходят из нее три пацана. Все из себя разодетые, с борсетками. Один внутрь, а два другие притормозили:

— Эй, девчонки, с Новым годом! Давайте вместе покурим.

Ну а что и не покурить? Давайте. У них свои сигареты, у

меня свои, Наташка стоит без дела и глазами хлопает. Слово за слово, ржем, смотрю краем глаза, а один из этих товарищей начинает мою девоньку в сторонку оттеснять. Потом он вдруг, ни с того ни с сего, как запустит ей руки под застегнутую только на один крючок шубу. Схватил, в воздух приподнял, она аж взвизгнула от неожиданности. Он ее опустил и говорит:

— Какая классная! Хочу такую! Поехали с нами отмечать! У нас, знаешь, как весело?!

Наташка вроде отнекиваться начала, но как-то так невнятно, что даже я поначалу не поняла, чего она хочет. Тем временем пацан ей снова руки под шубу, шарится там, как у себя дома и как давай в губы целовать. Я хоть и порядком выпила, но от такого поворота чуть не вмиг протрезвела. Не туда дело идет. Почему наша недотрога Наташка до сих пор ему по морде не дала? Я выкинула сигарету, подошла поближе, потянула его за рукав:

— Эй, давай-ка отпуская мою подружку, нам идти пора!

Гляжу, а у Наташки глаза стеклянные, как у мумии, и чувство такое, что она вообще ничего не сообщает.

— Тебе надо, ты иди, а она с нами поедет, правда, курносая? — Он легонько щелкнул ее по носу. Сжал Наташкин локоть и потащил ее к машине. Тем временем третий вышел из киоска с ящиком шампанского.

— Все народ, погнажи, — скомандовал тот, что стоял рядом со мной. Похоже, он был за старшего. А потом обернул-

ся ко мне и без особого интереса спросил: — Ты с нами или как?

Дальше все было как в замедленной съемке. Я огляделась вокруг и с громким воплем: «Спасите, пожар!», как учили на ОБЖ, кинулась с разбега на паучину, волокущего Наташку к задней дверце машины. Я хоть девушка и не маленькая, но он просто здоровенный был. Если бы не лед под ногами, спокойно бы под моим весом устоял. Но, благодаря коммунальщикам, не посыпавшим тротуары, мы все трое рухнули на землю, формовка с головы чувака слетела и откатилась в сторону. Похоже, он больно ударился, потому что разразился таким отборным матом, что даже я удивилась, — а уж мне с моим школьным прошлым не привыкать. Я как ненормальная попеременно орала: «Пожар!» и «Наташка, бежим!». Она, похоже, наконец, очнулась. Мы с ней вскочили на ноги, но нас уже обступили двое оставшихся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.